

1. СТАТЬИ

Т.И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН, Москва)

Учение И. Канта об априорном познании

Вопрос о существовании или несуществовании априорного, т.е. независимого от опыта, познания возник уже в древнегреческой философии. Платон, утверждавший, что познание есть в сущности воспоминание тех знаний, которые изначально заложены в человеческой душе, что наши чувства дают лишь искаженные, неистинные образы вещей, сущность которых достигается лишь независимым от чувственности разумом, был родоначальником философского рационализма и присущего ему априористического способа рассуждения¹. Классическим примером такого рассуждения является «онтологическое доказательство» бытия Бога, предложенное знаме-

---

¹ Можно согласиться с А. Кожевым: «Для традиционного, или платоновского, рационализма понятия а priori относятся к тому, что *трансцендентно* относительно пространственно-временной реальности (что равно кантовской вещи в себе), в то время как понятия а posteriori относятся исключительно к тому, что дано или является (посредством восприятия или опыта) *внутри* этой пространственно-временной реальности» (Кожев. Kant. Paris, 1973. P. 211). Это значит, что докантовский априоризм противопоставлялся опытному познанию, трактовался как преодоление его ограниченности, а порою даже как его отрицание.

1. Статьи

нитым представителем схоластической философии Ансельмом Кентерберийским. Он рассуждал так: в нашем сознании изначально наличествует понятие всесовершеннейшего существа, из чего логически следует безусловная необходимость его существования, так как в ином случае, если бы его не существовало, понятие всесовершеннейшего существа было бы невозможным. Это «доказательство» бытия Бога подверглось критике уже в самой схоластической философии, что не помешало Декарту возродить его, несмотря на всю враждебность его философии схоластике. Дело в том, что Декарт – основоположник рационализма в Новое время – был убежден в принципиальном тождестве логических и реальных оснований. Согласно этому рационалистическому принципу, логически доказанное положение обладает фактической реальностью, т.е. оно является доказательством существования того, что образует содержание логического вывода.

Принцип тождества логического и реального оснований – важнейшее положение рационалистического понимания априорного познания, так как, согласно этому принципу, разум, логическое мышление способно выходить за пределы опыта и благодаря этому постигать *сверхопытное, сверхчувственное, трансцендентное*.

Кант самым решительным образом выступает против рационалистического понимания априорного. Нисколько не отрицая того, что априорное познание есть познание посредством понятий, т.е. без обращения к чувственным данным, к опыту, Кант настаивает на том, что *существование* чего бы то ни было не может быть установлено без обращения к чувственному созерцанию, а тем самым к предмету, постигаемому а posteriori. «В одном лишь понятии вещи, – пишет он, – нельзя найти признак ее существования. Действительно, если даже понятие столь полное, что имеется абсолютно все для того, чтобы мыслить вещь со всеми ее внутренними определениями, тем не менее существование не имеет никакого отношения ко всему этому, а связано лишь с тем, дана нам такая вещь так,

что восприятие ее может во всяком случае предшествовать понятию» (3, 285)*.

Мы видим, что Кант не только не противопоставляет априорное как чисто логический процесс эмпирическому познанию, но напротив, доказывает, что априорное познание дает действительное приращение знания лишь тогда, когда оно сочетается с чувственным созерцанием. Без этого всякое априорное высказывание оказывается или аналитическим суждением, раскрывающим содержание субъекта предложения, или же просто лишается смысла. Поэтому Кант подчеркивает: «Необходимо сделать чувственным (*sinnlich*) всякое абстрактное понятие, т.е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие (как говорится) было бы бессмысленным (*ohne Sinn*, т.е. лишенным значения)» (3, 302).

Нетрудно понять, какие выводы следуют из этих положений Канта. Априорное познание, хотя и независимо от опыта, возможно лишь в рамках опыта и, следовательно, невозможно как сверхопытное познание. Все, что человеческий рассудок черпает из самого себя (таковы прежде всего категориальные формы мышления), не имеет какой-либо иной цели, кроме применения в опыте. Предметы возможного опыта суть единственные предметы априорного познания. Поэтому Кант утверждает: «Высшая задача трансцендентальной философии состоит в следующем: как возможен опыт?» (6, 197).

Принципиальная противоположность кантовского и рационалистического понимания априорного нередко истолковывается в нашей философской литературе превратным образом, а именно как отрицание Кантом возможности априорного по своему *содержанию* знания, в силу чего кантовское понятие апри-

---

* Здесь и далее ссылки на сочинения Канта по изданию: *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1964 – 1966 – даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает номер тома, после запятой – страницу), ссылка же по изданию *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. М.: ЧОРО, 1994 – даются также к круглым скобкам (римская цифра означает номер тома, а цифра после запятой – страницу).

орного понимается лишь как норма эмпирического по своему содержанию знания. Так, В.И. Шинкарук полагает, что, по Канту, «содержание знания может быть только опытным»². Априорно предвещающей опыт может быть только форма познания (форма чувственного созерцания и форма мышления), содержание же всегда опытно». Этот же – ошибочный, как мы постараемся показать, – взгляд на кантовское понимание априорного разделяет, по существу, и Н.К. Вахтомин, согласно которому априорное, т.е. неэмпирическое, знание выходит, согласно Канту, за пределы опыта. По мнению Вахтомина, Кант впервые обосновывает «существование двух форм знания, знания, возникающего в опыте, – эмпирического знания, и знания, выходящего за пределы опыта, которое мы будем называть теоретическим... с его точки зрения, только эмпирическое знание может быть научным, а теоретическое таким свойством не обладает»³. Поскольку Кант рассматривает теоретическое знание как в основе своей априорное, то, по Вахтомину, получается, что ненаучным Кант считал именно априорное познание. Между тем Кант с определенностью, исключаяющей сомнения, утверждал, что в науках о природе достоверными знаниями являются лишь содержащиеся в них априорные положения.

То обстоятельство, что кантовский априоризм является вместе с тем обоснованием возможности опыта, эмпирического познания вообще несколько не исключает основной характеристики философии Канта как учения об априорном познании, априорном не только по форме, но и по содержанию. Ведь главный вопрос, поставленный Кантом в «Критике чистого разума», гласит: *как возможны априорные синтетические суждения?* Этот вопрос конкретизируется Кантом следующим образом: как возможна чистая математика? как возможно чистое естествознание? как возможна метафизика как наука?

---

² Шинкарук В.И. Теория познания, логика и диалектика И. Канта. Киев, 1974. С. 66.

³ Вахтомин Н.К. Теория научного познания Иммануила Канта. М., 1986. С. 92.

Кант согласен с этим пониманием эмпирических суждений. Но в противоположность рационалистам он утверждает, что существуют априорные синтетические суждения, которые в отличие от аналитических суждений дают новое знание. Этот основополагающий тезис доказывается Кантом путем анализа примеров из математики. Математические положения обладают строгой всеобщностью и необходимостью, которые не могут быть почерпнуты из опыта, из эмпирических, индуктивных по своему характеру суждений⁴.

Следовательно, они априорны. Этот вывод представляется Канту столь несомненным, что он концентрирует свое внимание не на доказательстве их существования, а на выяснении вопроса: *как возможны* априорные синтетические суждения? Ответом на этот вопрос является имеющее принципиальное (можно даже сказать, важнейшее) для всего учения Канта об априорном познании положение: *существуют априорные чувственные созерцания*.

---

⁴ Этот факт признают и представители философского эмпиризма. Т. Гоббс утверждает: «Из опыта нельзя вывести никакого заключения, которое имело бы характер всеобщности» (*Гоббс Т. Избр. произведения. Основы философии. Ч. 1. Том 1. М., 1965. С. 456*). При этом Гоббс, по существу, признает априорность математики: «Чистой математикой мы называем ту науку, которая исследует количество in abstracto и потому не нуждается в познании предметов» (там же, с. 237). Речь, конечно, идет об эмпирическом познании предметов.

Д. Локк, систематически развивавший сенсуалистическую гносеологию, также отрицает возможность аподиктически всеобщих суждений, несмотря на то, что он не отрицает объективных форм всеобщности, которые открываются естествознанием. Не вступая в полемику с естествоиспытателями, он тем не менее утверждает, что «всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны...». И далее: «общее и *всеобщее* не относятся к действительному существованию вещей, а *изобретены и созданы разумом* для его собственного употребления и *касаются только знаков - слов или идей*» (Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т., М., 1985. Т. 1. С. 471). Кант в «Критике чистого разума» считает заслугой Локка исследование «восхождения от единичных восприятий к общим понятиям» (3, 183). Вероятно, Кант видит заслугу Локка в том, что он отрицал объективность общих понятий и тем самым предвосхищал вывод об их априорном характере.

Рационалисты опирались в своей теории априорного знания на допущение интеллектуальной интуиции, т.е. непосредственного, недискурсивного познания истины разумом, мышлением. Кант отвергает эту концепцию, на которой основывалось рационалистическое представление об интуитивных, фундаментальных, по их учению, понятиях. Мышление, разъясняет Кант, возможно лишь посредством суждений, умозаключений. Иное дело чувственные созерцания: они могут быть не только эмпирическими, но и априорными, т.е. независимыми от опыта, от ощущений, вызываемых воздействием предметов на нашу чувственность. Более того: априорные созерцания, в отличие от эмпирических чувственных восприятий, обладают всеобщностью и необходимостью. Не будь таких созерцаний, априорные синтетические суждения были бы невозможны, так как понятия обретают реальное содержание лишь тогда, когда им соответствует чувственное созерцание. Эмпирическим понятиям (и суждениям) соответствует эмпирическое чувственное созерцание; априорным понятиям (и суждениям) соответствует априорное чувственное созерцание. Этот парадоксальный, на первый взгляд, вывод Кант поясняет примером, взятым из геометрии. Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Это положение представляется аналитическим суждением, но Кант убедительно доказывает, что оно носит синтетический характер. Ведь понятие прямой линии определяет ее качество, а не количество, величину, расстояние, априорное созерцание которого присоединяется в данном случае к понятию прямой. «Поэтому, – заключает Кант, – здесь необходимо прибегать к помощи созерцания, посредством которого только и возможен синтез» (3,175).

Априорными чувственными созерцаниями, образующими первоначальные условия как априорного, так и эмпирического познания, являются пространство и время. Они априорны в силу присущей им всеобщности и безусловной необходимости: ведь ни одно явление не может быть представлено вне пространства и времени. Их априорность означает, что они образуют постоянные формы нашей чувственности, а тем са-

мым и формы чувственно воспринимаемого мира, который, согласно учению Канта, не существует сам по себе, т.е. безотносительно к чувственности, независимо от нее.

Все существующее в пространстве и времени Кант называет *явлениями*, которые представляют собой результат воздействия на нашу чувственность «вещей в себе», существующих по ту сторону пространства и времени, т.е. вне чувственно воспринимаемого мира, и вследствие этого принципиально непознаваемых. Само признание «вещей в себе» как некоего трансцендентного нечего, которое, конечно, не есть вещь в точном смысле этого слова, представляет собой лишь вывод из факта существования явлений. Раз существуют явления, говорит Кант, значит существует и нечего, которое является, т.е. воздействует на нашу чувственность, порождая «материю» явлений, форму существования которых образуют пространство и время.

Г. Коген, глава Марбургской школы неокантианства, утверждает, что идея априорности пространства и времени выражает на языке философии основные посыпки классической механики, сформулированные Ньютоном, согласно которому подлинная реальность присуща не эмпирическим, а математическим пространству и времени. «Трансцендентальный метод, — пишет в этой связи Коген, — возник благодаря размышлению над «Математическими принципами натуральной философии»⁵. Кант действительно неоднократно ссылается на Ньютона, положение которого о неэмпирическом математическом характере пространства и времени, по-видимому, оказало на него значительное влияние. Однако в механике Ньютона пространство и время трактуются как независимые от человеческой чувственности и, очевидно, в этом смысле определяются как математические. Пространство и время трактуются Ньютоном как изначальные, божественные вместилища материи.

---

⁵ *Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1885. S. 67.* Это убеждение разделяет и Б. Рассел: «Пространство Канта абсолютно, подобно пространству Ньютона...» (*Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 732*).

Кант не только десакрализует ньютоновское понятие пространства и времени, но также истолковывает их в духе гносеологического субъективизма.

Следует, однако, отметить, что, обосновывая субъективность пространства и времени, Кант вместе с тем доказывает их эмпирическую реальность. Утверждая, что эти априорные созерцания составляют основу всех эмпирических восприятий, Кант тем не менее связывает признание этих априорных созерцаний с отнюдь не априорными чувственными восприятиями предметов. Так, он утверждает, что «нельзя представить себе пространство, если не восприняты протяженные вещи» (3, 335), т.е. чувственно воспринимаемые тела. Но в таком случае изначальность априорных созерцаний, то, что они предшествуют чувственным восприятиям предметов, явно ставится под вопрос.

Признание эмпирической реальности пространства и времени Кантом, конечно, не означает признания их объективной реальности, так как все эмпирическое относится к чувственно воспринимаемому миру, предполагающему человеческую чувственность. Однако нельзя не отметить, что Кант признает бесчисленное множество миров, т.е. солнечных систем, планет и иных астральных тел. Это множество неземных материальных миров, конечно, не укладывается в представление о чувственно воспринимаемой реальности, существующей в рамках пространственно-временного априорного созерцания. Но Кант вовсе не отрицает того, что бесчисленное множество миров существует в пространстве и времени. Не указывает ли это на то, что Кант фактически признает и объективное, независимое от нашей чувственности существование пространства и времени? В таком случае априорным, т.е. независимым от опыта, является лишь признание *всеобщности* и *необходимости* пространства и времени. С таким выводом согласится любой материалист.

Ясно также и то, что математик, в частности геометр, доказывая ту или иную теорему, исходит из убеждения, что эмпирические измерения (например, треугольной фигуры) должны соответствовать математическому выводу. И если такое соот-

ветствие не обнаруживается, то следует уточнить начертанную геометрическую фигуру, дабы согласовать ее с математическим выводом. Это значит, что математические положения обладают приматом по отношению к эмпирическим данным, к которым они относятся. Констатируя этот факт, Кант приходит к обещающему выводу: таково вообще отношение между априорными и эмпирическими созерцаниями, понятиями, знаниями. Этот вывод влечет за собой радикальный пересмотр основополагающей гносеологической проблемы: каково отношение между знанием и предметом, к которому его относят? «До сих пор считали, – говорит Кант, – что всякие наши знания должны соотносываться с предметами». Это воззрение приводило к провалу всех попыток обосновать априорное знание, объяснить природу математического, наиболее преуспевающего, познания с тем, чтобы воспользоваться его принципами и в других науках. Дабы опровергнуть это воззрение, следует «попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны соотносываться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны».

Речь, как не трудно понять, идет о чувственно воспринимаемых предметах, которые не существуют до познания, так как они образуются посредством нашей чувственности, воспринимающей воздействия «вещей в себе». Такие предметы, естественно, совершенно иначе относятся к нашей способности познания, чем абсолютно независимые от нее, непознаваемые и, значит, не находящиеся в каком бы то ни было отношении к знанию «вещи в себе». Отсюда понятно заключение Канта: «Если бы созерцания должны были согласовываться со свойствами предметов, то мне не понятно, каким образом можно было бы знать что-либо а priori об этих свойствах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию, то я вполне представляю себе возможность априорного знания» (3, 87 – 88).

Это принципиально новое понимание соотношения знания (априорного знания) и объекта (объекта чувственного восприятия) Кант уподобляет коперниковской революции в астрономии. Коперник, вопреки зрительным представлениям, согласно которым Солнце обращается вокруг Земли (представлениям, которые научно обосновывались Птолемеем), доказывал, что Земля обращается вокруг Солнца. Кантовский пересмотр отношения между знанием и его объектом действительно аналогичен коперниковской постановке проблемы. Важно при этом подчеркнуть, что Кант вовсе не отвергает утвердившееся в философии (по меньшей мере со времен Аристотеля) понимание истины как соответствия наших представлений предметам, к которым они относятся. Он лишь доказывает, имея в виду априорное познание, что это соответствие означает соответствие чувственно воспринимаемых объектов априорным созерцаниям, понятиям, суждениям, как это особенно наглядно проявляется в математике. Новое предложенное Кантом понимание соотношения между знанием и его предметом, несомненно, весьма содержательно безотносительно к тому, что речь идет об априорном знании и о предметах, которые не существуют, согласно Канту, независимо от нашей чувственности. Ведь то, что Кант называет априорным знанием, есть не что иное, как идеалистически интерпретируемое теоретическое знание, на что указывает и сам Кант, делая предметом своего исследования возможность чистой математики и чистого (математического) естествознания, т.е. механики. А то, что Кант называет предметом познания, образующимся в рамках познавательного процесса, есть не что иное, как субъективистская интерпретация таких идеализированных объектов познания, как идеальный газ, идеальная жидкость и т.п. Теоретическое познание предполагает исследование форм всеобщности, каковыми являются, например, открываемые естествознанием законы. И кантовское обоснование возможности и необходимости синтетических априорных суждений представляет собой (если отвлечься от его идеалистических посылок и выводов) обоснование науки как системы положений, обладающих аподиктической всеобщностью.

Канта можно, конечно, критиковать не только за идеалистическое, в значительной мере субъективистское понимание науки, но и за то, что он значительно ограничивает, сужает область научного исследования и его методы, фактически исключая из понятия науки описательное эмпирическое исследование, каковым в его время являлись ботаника, зоология, минералогия, география и многие другие научные дисциплины, которые, с кантовской точки зрения, не должны именоваться науками в строгом смысле слова. Если, как утверждает Кант, «во всяком учении о природе имеется науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней априорного познания, то учение о природе будет содержать науку в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в нем математика» (6, 59)⁶.

Рационалисты XVII в. надеялись преобразовать все науки, и философию в первую очередь, в *mathesis universalis* (универсальную математику). Кант еще не вполне преодолел эту иллюзию, несмотря на то, что он принципиально разграничивает априорное и эмпирическое познание, исследует взаимоотношение между ними и доказывает, что априорные формы чувственности и мышления представляют собой необходимые условия всякого опытного знания.

Если пространство и время составляют априорные формы чувственности, то априорными формами мышления являются категории. Исходя из традиционного деления суждений по количеству (общие, частные, единичные), по качеству (утвердительные, отрицательные, бесконечные), по отношению (категорические, гипотетические, разделительные), по модальности (проблематические, ассерторические, аподиктические), Кант составляет таблицу категорий, соответствующих этим

---

⁶ Тремя страницами выше Кант дает такое определение понятию науки: «Наукой в собственном смысле можно назвать лишь ту, достоверность которой аподиктична; познание, способное иметь лишь эмпирическую достоверность, есть *знание* лишь в несобственном смысле» (6, 56).

классам суждений. Так, к категориям количества относятся единство, множественность, целокупность; к категориям качества – реальность, отрицание, ограничение; к категориям отношения – присущность и самостоятельное существование, т.е. субстанция и акциденция, причинность и зависимость, общение, т.е. взаимодействие; к категориям модальности относятся возможность-невозможность, существование-несуществование, необходимость-случайность.

Категории, учит Кант, представляют собой функции мышления. Сами по себе они лишены содержания; они привносятся в чувственно воспринимаемую реальность рассудком, который связывает между собой чувственные данные (явления), образуя тем самым опыт, эмпирическое знание вообще. Категории не представляют собой какое-либо знание. Они «суть не более как *формы мышления*, содержащие в себе лишь логическую способность а priori объединять в одно сознание многообразное, данное в созерцании...» (3, 307). Следовательно, категории применимы лишь к объектам возможного опыта и, значит, неприменимы за его пределами, т.е. к «вещам в себе», к трансцендентной реальности вообще⁷. Такое применение категорий Кант называет трансцендентальным. Понятие трансцендентального противопоставляется понятию транс-

---

⁷ В действительности Кант применяет категории и к «вещам в себе» поскольку они мыслятся, а мышление без категорий невозможно, а также потому, что «вещи в себе» характеризуются Кантом как причины, порождающие наши ощущения. Правильно отмечает Г. Мартин: «Можно вполне сказать, что Кант применяет к вещи в себе почти все категории, в особенности категории единства, множества, причинности, общности, возможности, действительности и необходимости» (*Martin G. Immanuel Kant. Ontologie und Wissenschaftslehre. Berlin, 1965. S. 232*). Кант не мог не сознавать этой своей непоследовательности, однако вопрос о применении категорий к «вещам в себе» остался вне рассмотрения в его работах, по-видимому, потому, что признание применимости категорий за пределами чувственно данного разрушало бы основоположение: вещи в себе абсолютно не познаваемы.

цендентного, сверхопытного; трансцендентальное значит – априорное, доопытное, применяемое к чувственным данным, формирующее, структурирующее опыт, совокупность предметов опыта, которая и есть то, что должно называть природой.

Посредством категорий рассудок связывает друг с другом сами по себе разрозненные чувственные данные. Как подчеркивает Кант, «мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» (3, 190).

Предшественники Канта, рационалисты, пытались доказать, что важнейшие категории и понятия разума вообще являются врожденными идеями. Декарт считал врожденными понятия бытия, протяженности, длительности, фигуры, движения. Лейбниц утверждал, что источник необходимых истин врожден нашему уму, так как опыт не в состоянии доказать необходимость какой-либо истины. «Я за врожденное знание и против *tabula rasa*», – утверждал он в одном из писем. Полемизуя с Дж. Локком, отвергавшим саму возможность врожденных идей, Лейбниц утверждал: «В нас имеются бытие, единство, субстанция, длительность, изменение, деятельность, восприятие, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей...»⁸.

Кант решительно отвергает эти рационалистические допущения, так как они лишают понятия, именуемые врожденными, необходимости, которая присуща категориям. «В самом деле, – говорит он, – понятие причины, например, выражающее необходимость того или иного следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, врожденной нам субъективной необходимости связывать те или иные эмпирические представления по такому правилу отношения. В таком случае я... должен был бы ска-

⁸ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 633, 51.

зать лишь следующее: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе как связанным так-то» (3, 125).

В недавно опубликованной на русском языке статье Канта «Об одном открытии, после которого всякая новая критика разума становится излишней ввиду наличия прежней» утверждается, что с точки зрения «Критики чистого разума» нельзя допускать «вообще никаких изначальных или врожденных представлений; все они без исключения, будь то созерцания или понятия, трактуются ею как приобретенные»⁹. Это – весьма важное положение, поскольку категории, раз они приобретены, предполагают свое происхождение в ходе исторического развития познания. Однако эта мысль не получает какого-либо развития у Канта, который определяет категории как неизменные формы мышления. А то обстоятельство, что категории выступают в учении Канта как чистые, т.е. лишенные содержания формы, делает, по-видимому, невозможным исследование их *развития*, не говоря уже о том, что такое исследование опровергло бы утверждение об их априорности.

Итак, категории синтезируют многообразие чувственных данных, упорядочивают явления, позволяя тем самым устанавливать законы природы, понимаемой, как уже указывалось выше, как создаваемая познанием картина чувственно воспринимаемой реальности. Отсюда вытекает, что речь идет об эмпирическом познании природы и его отношении к априорным формам и априорному познанию, разумеется, в той мере, в какой оно возможно в естествознании. В этой связи необходимо указать на проводимое Кантом разграничение *чисто* априорного и *нечисто* априорного знания. Как пишет Кант: «Из априорных знаний чистыми называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое. Так, например, положение *всякое изменение имеет свою причину* есть положение

---

⁹ См.: Кантовский сборник. Вып. 7. Калининград, 1993. С. 139. Анализ названной выше работы Канта дан А.Н. Кругловым в статье «О происхождении априорных представлений у И. Канта» в журнале «Вопросы философии», № 10, 1998 г.

априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта». Естествознание, даже та его часть, которую именуют математическим естествознанием, имеет дело с такими эмпирическими понятиями, как масса, тяготение, расстояние, сила, движение, тяжесть и т.д. В этом смысле кантовская постановка вопроса – «как возможно чистое естествознание?» – едва ли может бы названа вполне корректной, так как чисто априорного естествознания не существует и в рамках кантовского трансцендентального идеализм речь идет лишь об априорных принципах, основоположениях эмпирического по природе своей естествознания. Это фактически признает и сам Кант, когда он в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» отмечает: «Я буду иметь здесь в виду естествознание только постольку, поскольку оно основывается на эмпирических принципах» (3, 106; 58).

Таким образом, в естествознании не только совершается категориальный синтез чувственных данных (в этом суть всякого мышления вообще), но формулируются положения, в частности закономерности, которые носят априорно-эмпирический характер. Кант, правда, не применяет такого выражения, но уже приведенное выше положение о том, что всякое изменение имеет свою причину, полностью подтверждает его закономерность и даже необходимость.

Тот факт, что априорные принципы применяются эмпирически, образуют единство с эмпирическими созерцаниями, нуждается в объяснении, обосновании. Как можно соединить эти взаимоисключающие противоположности? Кант ставит этот вопрос и предлагает следующее решение: необходимо найти «посредствующее представление», которое было бы, с одной стороны, априорным, а с другой – чувственным. Таким представлением является *время* – априорное чувственное созерцание, в котором соединены противоположности априорного и чувственного. Задача соединения априорных категорий с эмпирическими восприятиями может быть, следовательно, решена путем определения категорий через время. Последнему присущи четыре модуса: временной ряд, содержание вре-

мени, порядок времени, совокупность времени. Модусы времени соответствуют указанным выше четырем группам категорий. Соответственно этому и необходимо определять категории, учитывая их различие по количеству, качеству, отношению и модальности. Эту логическую процедуру Кант называет схематизмом чистых рассудочных понятий. Схема, говорит Кант, «есть, собственно, лишь феномен или чувственное понятие предмета, находящееся в соответствии с категорией... Следовательно, категории без схем суть лишь функции рассудка, [необходимые] для понятий, но не представляющие никакого предмета. Свое значение они получают от чувственности, которая придает реальность понятиям рассудка (*den Verstand realisiert*), и в то же время ограничивая его».

Вот некоторые примеры кантовского определения категорий через время. Схема субстанции есть «постоянство реального во времени», схема причинности «есть реальное, за которым, когда бы его ни полагали, всегда следует нечто другое». Схема действительности «есть существование в определенное время». Схема необходимости «есть существование предмета во всякое время». Конечно, эти определения категорий через «чувственные понятия» носят крайне абстрактный характер. Они не учитывают ни связи категорий друг с другом, ни многообразия форм тех отношений всеобщности, которые получают свое выражение в категориях. Например, необходимость необходимости рознь.

Одно дело логическая необходимость, другое – необходимость, образующая содержание законов природы, третье – историческая необходимость, возникшая при определенных социальных условиях. Поэтому определение необходимости как существования предмета *во всякое* время оказывается неудовлетворительным, даже ошибочным. И тем не менее учение Канта о схематизме чистых рассудочных понятий представляет собой важную попытку гносеологически объяснить связи категорий, действительно не зависящих от чувственных данных, с эмпирическим познанием, которое в самом деле соотносится с категориями, например с принципом причинности, согласно

которому нет действия без причины. Нетрудно понять, что именно факт независимости категорий от чувственных данных представляет собой гносеологическую основу кантовского вывода об их априорности. Из этого же факта вытекает проблема применения категорий к чувственным данным. Трансцендентальные схемы, утверждает Кант, образуют правила формирования чувственных образов. Непосредственно эти образы представляют собой «продукт эмпирической способности продуктивного воображения» (3, 226 – 227; 225; 223). Однако эта способность действует согласованно с эмпирическими (чувственными) понятиями, образуемыми с помощью схем. Таким образом, в основе «чувственных понятий» (треугольник, животное и т.п.) лежат не образы (отражения) соответствующих предметов восприятия, а схемы. Понятию треугольника не соответствует никакой образ треугольника, поскольку из образа невозможно вывести геометрические свойства этой фигуры. Не только образ, но и предмет чувственного восприятия представляет собой нечто вторичное по отношению к схеме. «Понятие о собаке, — пишет Кант, поясняя свою мысль, — означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным мне в опыте, или же каким бы то ни было возможным образом *in concreto*» (3, 223). Кант, как это видно из данного высказывания, ставит под вопрос гносеологическое понятие отражения, полагая (и мне представляется, не без основания), что понятие о том или ином классе предметов, поскольку он отвлекается от всего того, что отличает все составляющие этот класс предметы друг от друга, не есть уже образ чувственно воспринимаемого предмета, а представляет собой результат той способности мышления, которую обычно называют обобщением, в то время как у Канта эта способность справедливо определяется как продуктивная сила воображения.

Трансцендентальный схематизм процесса познания, связывающий, по Канту, априорные категории с чувственными данными, с необходимостью приводит к априорным синтети-

ческим суждениям, которые в известной мере определяют или предвосхищают *содержание* опытного знания. Эти суждения Кант называет основоположениями чистого рассудка. Поскольку предметы опыта суть явления, которые необходимо (априорно) связаны друг с другом, то из этого следует, что они должны рассматриваться: 1) как созерцания; 2) как ощущения; 3) как находящиеся в отношении друг к другу; 4) как находящиеся в отношении к сознанию.

Эти четыре аспекта соответствуют четырем группам кантовской таблицы категорий. Поэтому и основоположения чистого рассудка делятся Кантом на четыре группы: 1) аксиомы созерцания; 2) антиципации восприятия; 3) аналогии опыта; 4) постулаты эмпирического мышления вообще. Нет необходимости в рамках ограниченной по объему статьи рассматривать все эти основоположения. Ограничимся отдельными примерами. Так, аксиомы созерцания гласят: все созерцания суть экстенсивные величины, из чего следует априорный вывод относительно всех предметов опыта: они делимы до бесконечности. Принцип антиципации восприятия гласит: реальное, составляющее содержание ощущений, обладает интенсивной величиной, т.е. степенью. Отсюда следует относящееся ко всем предметам чувственно воспринимаемого мира понятие плотности, удельного веса, массы, так как каждое из этих понятий характеризуется степенью.

Само собой разумеется, что Кант задолго до создания своей системы знал, что все тела обладают массой, удельным весом и т.д. Этот вывод был сделан естествоиспытателями на основе эмпирических исследований. Но такие исследования, согласно Канту, не доказывают безусловной всеобщности и необходимости этих качеств. Такая аподиктическая всеобщность может быть установлена лишь путем анализа априорных основоположений рассудка. Это положение Канта, соотнесенное закономерностями, установленными эмпирическим естествознанием, позволяет сделать вывод, что кантовский априоризм (пусть это не покажется удивительным) имеет свои корни в эмпирическом познании, которое постоянно высказывает

суждения не только об уже познанных явлениях, но и о явлениях, еще не ставших предметом научного исследования. Как справедливо отмечает В.С. Степин, «для познания основных закономерных связей новой предметной области необходимо уже заранее знать какие-то черты и тенденции составляющих ее объектов, т.е. иметь знание о неизученных объектах». И далее: «Изучая общие черты и свойства уже известных объектов, можно получить некоторое предварительное общее знание о еще не познанных типах материальных структур»¹⁰. Эмпирически выявленные закономерности природных процессов характеризуют не только то, что происходит в настоящее время, но и то, что произойдет в будущем. Многообразные свойства природных явлений, познанные естествознанием, также в какой-то мере дают основание судить о свойствах еще не познанных, неизвестных явлений. И хотя, конечно, мы не можем сегодня обладать знаниями, которые приобретем в будущем, наличное знание постоянно выходит за границы наличного опыта; границами уже приобретенного знания могут быть, выражаясь кантовским языком, лишь границы возможного опыта. Науки постоянно экстраполируют имеющиеся знания в область еще не познанных явлений, высказываясь тем самым как о том, что возможно, вероятно, так и о том, что в принципе невозможно. Конечно, такие основанные на экстраполяции заключения нередко опровергаются выдающимися научными открытиями, которые коренным образом изменяют те или иные казавшиеся принципиально неопровержимыми положения науки. Однако это обстоятельство, которое не учитывалось Кантом, полагавшим, как и все ученые его времени, установленные наукой истины по существу неизменными, не отменяет того факта, что познание (в особенности в науках о природе) есть также и предвидение, вследствие чего противоположность между познанным и непознанным, известным и неизвестным не носит абсолютного характера.

---

¹⁰ *Степин В.С.* Современный позитивизм и частные науки. Минск, 1968. С. 10.

Таковы эмпирические предпосылки априоризма Канта, предпосылки, которые Кант в известной мере осознавал, осмысливал при построении своей теории научного познания, согласно которой «для нас возможно априорное познание только предметов возможного опыта» (3, 214).

Учение Канта об априорном познании не ограничивается обоснованием возможности чистой математики и математического естествознания. Важнейшей задачей своей философии Кант считает ревизию всей предшествующей метафизики и обоснование возможности и необходимое принципиально новой, трансцендентальной метафизики. Несостоятельность всей прежней метафизики Кант видит в том, что она претендовала на познание сверхопытного, трансцендентного, т.е. ставила перед собой абсолютно неразрешимую задачу, поскольку наше познание, не только эмпирическое, но и априорное, совершается лишь в границах возможного опыта. Естественно возникает вопрос: возможна ли вообще метафизика, если придерживаться такого понимания априорного познания? Кант вполне осознает возникающую перед ним трудность. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он констатирует: «С помощью способности априорного познания мы никогда не можем выйти за пределы возможного опыта, между тем как именно это (курсив мой. – Т.О.) и составляет самую существенную задачу метафизики» (3, 89). И тем не менее, казалось бы, вопреки собственному утверждению Кант положительно отвечает на поставленный выше вопрос и соответственно этому разрабатывает метафизику природы и метафизику нравов, расширяя тем самым понятие метафизики и ее проблематику (ведь до Канта философия природы и этика не считались разделами метафизики, которая в отличие от этих учений трактовалась как «первая философия»).

Однако метафизика как учение о сверхприродных сущностях всегда ставила своей задачей доказательство бытия Бога, бессмертия души, понятия мира как целого. Кант категорически отрицает возможность решения этой задачи, поскольку сверхопытное применение разума, логического мышления не-

возможно. Это, полагает Кант, вовсе не означает, что надо отказаться от идеи мира как целого, идеи космологической свободы, предшествующей всем причинно-следственным отношениям, идеи Бога и бессмертия души. Это – априорные идеи чистого разума, который всегда стремится «довести синтетическое единство, которое мыслит в категориях, до абсолютно безусловного» (3, 358). Трансцендентальная метафизика и есть учение об этих высших идеях чистого разума, необходимость которых вытекает, с одной стороны, из теории познания, а с другой – из понятия чистой нравственности, которая включает в себе «моральное доказательство» бытия Бога, доказательство, обосновывающее религиозную веру, а не существование Бога, которое в принципе недоказуемо. Поэтому «высшая сущность остается для чистого спекулятивного применения разума только идеалом, однако безукоризненным идеалом, понятием, которое завершает и увенчивает все человеческое знание и объективную реальность которого этим путем, правда, нельзя доказать, но и нельзя также опровергнуть» (3, 551)¹¹.

Таким образом. Кант, отвергая прежние метафизические учения, вовсе не отвергает их основополагающие идеи; он, однако, радикально пересматривает содержание, которое прежняя метафизика вкладывала в эти идеи. Для нее, для докантовской метафизики, высшая задача сводилась к тому, чтобы доказать существование Бога, бессмертия души, трансцендентного вообще. Кант же считает высшей задачей метафизики исследование эвристического и аксиологического смысла этих идей. Доказывая абсолютную неразрешимость онтологической задачи прежней метафизики, Кант все же утверждает: «Бог, свобода и бессмертие души – вот те задачи, к решению которых направлены все средства метафизики как к своей по-

---

¹¹ В «Критике практического разума» Кант, обосновывая нравственную необходимость религиозной веры, вместе с тем подчеркивает: «С помощью метафизика дойти от познания *этого* мира до понятия о Боге и до доказательства его бытия *достоверными выводами* невозможно...» (4 (I), 473).

следней и единственной цели» (5, 512). Это заявление, призванное подчеркнуть определенную солидарность Канта со своими предшественниками – создателями метафизических систем, несомненно, не вполне адекватно выражает то, что составляет содержание метафизики Канта. Ведь с точки зрения Канта метафизикой является вся его философия. Поэтому Кант утверждает: «Всякое чистое априорное знание благодаря особой познавательной способности, служащей для него единственным источником, образует особое единство, и метафизика есть философия, которая должна изложить это знание в таком систематическом единстве» (3, 688).

Итак, благодаря учению Канта об априорном познании метафизика, изначально претендовавшая на сверхопытное знание, становится априорным философским познанием в границах возможного опыта.

Подведем основные итоги. Трансцендентальный идеализм Канта есть учение об априорном познании предметов возможного опыта, или, выражаясь иначе, чувственно воспринимаемой действительности. Кант принципиально разграничивает чистое априорное познание, необходимой предпосылкой которого является априорное чувственное созерцание, и нечистое априорное познание, которое кроме априорных чувственных созерцаний и априорных категорий мышления предполагает эмпирическое чувственное восприятие. Соответственно этому Кант разграничивает чистую математику и математическое естествознание (механику), которое содержит в себе и полученные посредством опыта понятия.

Метафизическое познание есть познание посредством конструирования понятий, которое возможно благодаря априорному чувственному созерцанию. Однако последнее не есть восприятие какого-либо предмета чувственно воспринимаемой реальности. Поэтому «все математические понятия сами по себе не знания» (3, 201). Они становятся знаниями лишь тогда, когда этим понятиям соответствуют чувственно воспринимаемые объекты. Поэтому Кант утверждает: «Через определения чистого созерцания мы можем получить априорные

знания о предметах (в математике), но только по их форме, как о явлениях; могут ли существовать вещи, которые должны быть созерцаемы в этой форме, остается при этом еще неизвестным» (3, 201). Только эмпирическое исследование, которое в данном случае можно назвать прикладной математикой, придает математическим понятиям предметную, чувственно воспринимаемую реальность, доказывая тем самым, что чистая математика, несмотря на умозрительный характер своих построений, является познанием реальности в границах возможного опыта.

Естествознание характеризуется Кантом как опытная наука, основные понятие которой образуются посредством чувственных восприятий предметов внешнего мира. Однако внешним миром здесь называется все существующее в пространстве, понимаемом как внешняя (в отличие от времени) форма априорного чувственного созерцания, которое рассматривается как основа эмпирических созерцаний. Последние имеют своим содержанием ощущения, которые продуцируются воздействием «вещей в себе» на нашу чувственность и, следовательно, независимы от нашего произвола. Совокупность этих эмпирических представлений и составляет мир явлений, или природу, определенную как совокупность предметов опыта. Можно сказать, что кантовское понятие природы в какой-то мере предвосхищает современное естественнонаучное понятие «физическая реальность», поскольку это понятие имеет своим содержанием не *личный* уровень знаний о природе, а всю природу в целом, которая еще не познана и никогда не будет познана исчерпывающим образом. Однако естественнонаучное понятие «физическая реальность» не ставит, конечно, под вопрос объективную реальность природы, в то время как у Канта действительной объективной реальностью обладают лишь «вещи в себе», а природа истолковывается как специфически человеческая, субъективная картина мира, создаваемая в конечном итоге априорной способностью – продуктивной силой воображения. Понятно поэтому, почему в «Прологоменах...», представляющих, по мнению Канта, популярное изложение

«Критики чистого разума», обсуждается вопрос «как возможна сама природа?». Отвечая на этот вопрос, Кант разграничивает понятие возможности природы «в материальном смысле» (имея в виду ощущения как «материю» эмпирических представлений) и понятие возможности природы в формальном смысле, т.е. в связи с априорными понятиями рассудка. На первую часть поставленного вопроса Кант отвечает: природа возможна «посредством характера нашей чувственности, в соответствии с которым она свойственным ей образом подвергается воздействию предметов, самих по себе ей неизвестных и совершенно отличных от явлений». Отвечая на вторую часть вопроса, Кант заявляет: природа «возможна только благодаря характеру нашего рассудка, в соответствии с которым все представления чувственности необходимо относятся к сознанию и только благодаря которому возможен свойственный нам способ нашего мышления...». Неудивительно поэтому, что сама возможность опыта трактуется Кантом как «всеобщий закон природы». И вообще все «всеобщие законы природы могут и должны быть познаны a priori» (4 (I), 138 – 139)¹².

Итак, априоризм Канта есть гносеологическое обоснование нового типа идеализма, который принципиально отличается как от рационалистического идеализма, так и от идеалистиче-

---

¹² При этом, однако, Кант признает наличие в естествознании эмпирических законов, которые не познаются априорно. Таким образом, с одной стороны, утверждается, что «существуют определенные законы, и притом a priori, которые впервые делают природу возможной», а с другой – признается, что «эмпирические законы могут существовать и быть открыты только при помощи опыта», однако только в согласии с теми первоначальным (априорными. – Т.О.) законами, лишь благодаря которым становится возможным сам опыт» (3, 279). Таким образом, природа вторична по отношению к чувственности и рассудку. Однако существует первичная реальность, принципиально непознаваемая реальность «вещей в себе», которые имеют лишь косвенное отношение к природе, поскольку своим воздействием на нашу чувственность они вызывают возникновение явлений, совокупность которых образует природу.

ского эмпиризма. Кант хорошо осознавал это отличие, как об этом свидетельствует небольшой включенный во второе издание «Критики чистого разума» раздел «Опровержение идеализма». Само собой разумеется, что это было не опровержение идеализма вообще, а лишь отрицание берклианского и картезианского идеализма. Однако значение кантовского априоризма, конечно, не сводится к созданию нового типа идеалистического философствования – трансцендентального идеализма. Кантовский априоризм есть исторически первая теория *научного* познания, т.е. первая система эпистемологии. Ее выдающееся историческое значение состоит в философском обосновании зарождавшегося во времена Канта теоретического естествознания, в предвосхищении его последующего плодотворного развития. Теоретическое исследование всегда выходит за границы наличного опыта и вместе с тем всегда остается в границах *возможного* опыта. Эти границы постоянно раздвигаются, расширяются, уходят в бесконечность, так как опыт не ограничен непосредственными чувственными данными. Предметом эмпирического исследования – если не прямо, то опосредованным образом – становятся явления, процессы, которые непосредственно недоступны чувственным восприятиям. На этой почве развивается относительно независимое от наличных эмпирических данных теоретическое исследование. Эта относительная независимость, относительная самостоятельность научной теории постоянно возрастает в ходе научного прогресса, оставаясь вместе с тем в границах возможного, но далеко еще не наличествующего опыта. Не это ли является одной из основных гносеологических предпосылок априоризма, который, несомненно, возник как своеобразное истолкование математики и классической, ньютоновской механики?

Нельзя, конечно, согласиться с Кантом в том, что пространство и время – субъективные формы созерцания, а категории – субъективные формы мышления. Однако, безусловно, необходимо исследовать пространство и время, а также категориальные формы мышления и с субъективной стороны, т.е. как восприятия и наиболее общие понятия, без которых не-

возможно мышление. Эта безусловная необходимость совершенно очевидна: понятия пространства и времени, а также категории мышления исторически развиваются в ходе прогресса научного познания, обогащаются новым содержанием и, более того, изменяются. Этого не видел, не мог видеть Кант в силу объективных условий, т.е. состояния научного знания в его время. И это отсутствие представления об изменчивости, развитии категорий образует гносеологические корни его априоризма как субъективистской интерпретации форм всеобщности, наличествующих как во внешнем мире, так и в процессе познания.

Естествознание XX века, теория относительности прежде всего, революционизировали наши представления не только о пространстве и времени, но и о всем категориальном аппарате мышления. И хотя современная наука опровергла кантовское понимание категорий, она вместе с тем выявила рациональное зерно, заключенное в априоризме Канта. В этой связи уместно привести высказывание А. Эйнштейна: «В настоящее время известно, что наука не может вырасти на основе одного только опыта и что при построении науки мы вынуждены прибегать к свободно создаваемым понятиям, пригодность которых можно а posteriori проверить опытным путем. Эти обстоятельства ускользнули от предыдущих поколений, которым казалось, что теорию можно построить чисто индуктивно, не прибегая к свободному творческому созданию понятий»¹³. Не следует думать, что это весьма важное для понимания развития науки положение почерпнуто Эйнштейном у Канта. Создатель теории относительности – как гениальный творец научного знания – был в высшей степени самостоятельным и независимым мыслителем; идеи, которые он высказывал, возникали в процессе его собственных исследований и теоретического осмысления развития науки, в особенности науки XX века. И приведенное положение свидетельствует о том, что, хотя кантов-

---

¹³ См.: Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1989. С. 589.

ский априоризм опровергнут современными научными достижениями, гносеологические проблемы, поставленные априористической теорией познания, сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

ВЕРНЕР ШТАРК
(Марбургский университет)

Академическое собрание сочинений Канта –
издание-образец?

Состоявшаяся в Берлине в рамках IX Кантовского конгресса вторая крупная выставка¹ дает достаточный повод детально остановиться на судьбе, заблуждениях и достижениях полного собрания сочинений Канта². В рамках данной статьи предпринимается попытка обратить внимание на некоторые проблемы, связанные с организационной структурой предпринятого сто лет назад издания.

I

В 1894 – 1895 гг. Вильгельм Дильтей (1833 – 1911) и другие ученые смогли убедить находившуюся в то время в Берлине Прусскую Королевскую Академию наук организовать исчерпывающее издание сочинений Канта. Оно было запланиро-

¹ Первая состоялась в 1974 году и была приурочена к 250-летию философа [прим. переводчика]. См. об этом: *Friedrich Benninghoven* (Hg.) *Immanuel Kant. Leben-Umwelt-Werk. Ausstellung des Geheimen Staatsarchivs – Preußischer Kulturbesitz, der Bayerischen Staatsbibliothek München, des Hauses Königsberg in Duisburg und anderer Leihgeber zur 250. Wiederkehr von Kants Geburtstag am 22. April 1974*. Berlin, 1974.

² *Thomas Sturm. Zustand und Zukunft der Akademie-Ausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Schriften // Kant-Studien. 90* (1999). S. 100-106.